

№ 1 январь 2010

ПСИХОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ

- Структура и состав образовательной сферы
- Особенности копинг-стратегий педагогов
- Единство дискретности и континуальности как принцип гуманитарного образования

Е.И. Белая, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологии Барановичского государственного университета (Республика Беларусь)

САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПЕРСОНАЖ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Одной из особенностей переходного периода, переживаемого ныне на постсоветском пространстве, является востребованность личности с самостоятельным, творческим мышлением, свободной от шаблонов и стереотипов. Это обуславливает научный интерес к проблеме самоактуализирующейся личности. Автор статьи обращается к особенностям создания образа такой личности в художественной прозе первой трети XX века, усматривая в «эпохе рубежа» некоторые сходные с современной переходной эпохой тенденции.

Ключевые слова: самоактуализирующаяся личность, художественная проза, психологические характеристики персонажей, образ «нового человека», «феномен способности к одиночеству», гуманистическая позиция, творчество.

Способ бытования научного знания, в том числе психологического, может быть не только категориально-понятийным, но и художественно-образным. В этом случае научные идеи будто растворяются в поэтическом либо прозаическом тексте. Выделить их в чистом виде, дать адекватную интерпретацию анализируемому произведению непросто. Тут необходима филология, которая способна за сложными стилистическими фигурами, тропами и символами рассмотреть смутные очертания тех или иных теорий либо концепций. Иногда кажется, что семантически произведение не содержит никаких загадок. Но смысловые намеки, которые содержатся в нем, а также социокультурный контекст создания и/или прочтения произведения позволяет сделать чрезвычайно вероятное заключение о «теновом» присутствии в тексте определенной научной идеи, а тот или иной элемент образной системы явля-

ется художественной иллюстрацией к ней [7; 314].

Казалось бы, поиск отдельных иллюстраций не делает чести исследователю, но это положение может быть пересмотрено относительно прозы «эпохи рубежа»: идеи и «иллюстрации» в многих произведениях белорусских авторов появились не как результат творческого переосмысления классического знания (большинство писателей шло путем самообразования), а либо как своего рода спонтанно-интуитивное озарение, либо закономерно-произвольное воплощение актуальных для современного им общества житейских и бытийных вопросов. В данной статье осуществлен подход, свойственный конструированию «картины мира с «филологическим уклоном»» (В.Г. Шукин).

Главная задача литературы – более глубокое постижение человеческих характеров в их глубине и неоднозначности. Психологизм – один из основных

принципов художественного познания и воплощения действительности, эффективное изобразительное средство, которое дает возможность писателям несравненно доступнее и нагляднее выявлять закономерности психической жизни человека.

Создание в художественной прозе первой трети XX в. образа самоактуализирующейся личности мы ставим в общий контекст попыток создания психологически очерченного и убедительного образа «нового человека», которые далеко не всегда увенчивались успехом. В свою очередь, самоактуализирующиеся личности были востребованы самим временем, поскольку им свойственна толерантность к противоречивости и неопределенности, доминирующим на этапе построения нового общества, не осуществленного доселе в социальном опыте человечества.

Материалом для написания данной статьи послужили прозаические произведения русских (Л. Леонов, М. Осоргин, А. Платонов) и белорусских (М. Горецкий, М. Зарецкий, М. Лыньков) авторов. Значительное место в ряду литературных персонажей с признаками самоактуализирующейся личности принадлежит ученому. Обратимся к образу профессора Лихарева в рассказе Л. Леонова «Конец мелкого человека». Его определяющей характеристикой является работа, что соответствует научным выводам А. Маслоу, который считал: «работа и человек, кажется, предназначены друг для друга... человек и его работа подходят друг другу и принадлежат друг другу как ключ и замок» [8; 516]. Федор Андреич Лиха-

рев «умел работать, почти не уставая, как хороший семижильный вол. А если припомнить попутно, что и дарованьем не был он обижен, станет понятным, почему научное имя его ценилось так высоко у нас и как будто даже за границей» [4; 182].

В результате «длительным напряжением ума и воли он так глубоко проникнул в неисповедимые глубины палеонтологической и других, родственных этой, наук, что, пожалуй, и жил все время там, в допотопном где-то времени, считая настоящее за несостоящее отражение тех невозвратных времен» [4; 185]. Не зря его, специалиста по мезозойскому периоду, в узком кругу называют «Мезозавром Андреичем»: этот «медвежий человек, погруженный в глухие льды и безбурные затишья допотопных пор, не любивший никого, кроме своих ископаемых чудищ, жил одиноко и тускло, если поглядеть со стороны, как живут многие проходящие жизнь бочком, чтоб не задеть никого и самому не ушибиться» [4; 84]. В этом выявляется такая особенность самоактуализирующейся личности, как потребность в неприкосновенности внутренней жизни и в одиночестве.

Однако данное качество не всегда адекватно понимается и принимается в сфере социального общения. «Нормальные» люди считают его проявлением равнодушия, и даже высокомерия [8; 516]. А. Маслоу в процессе изучения самоактуализирующихся личностей обнаружил, что его испытуемые способны проявлять определенную «хирургическую холодность» в межличностных отношениях, а в отдельных случаях

могут казаться совершенно бессердечными [8; 520]. Вот как Л. Леонов характеризует особенности психической жизни своего героя: «При всей общепризнанной порядочности Лихарева, возможно, несколько преувеличенной его незаурядной научной репутацией, нередко странное темноватое чувство этак подобно ледку сковывало его – как раз в моменты, когда требовалось поделиться частицей сердечного тепла с кем-нибудь из близких, попавших в беду; экономя свое душевное равновесие, необходимое ему для свершений на поприще науки, Федор Андреич как-то и не пытался никогда рассматривать эту гадковатую свою особенность...» [4; 225]. Сестра Лихарева Елена «...давно свыклась с мыслью, что брат, всего себя отдающий науке, естественно, имеет право быть иногда немножко несправедливым...» [4; 185].

Когда сестра, обеспечивавшая его быт, тяжело заболела, Федор Андреич «...опять повторил себе, что и самой Елене Андреевне при ее исключительной душевной щедрости было бы приятней, чтобы брат не тратился на бесполезное ныне состраданье к ней, а лучше... сохранял бы силы для продолженья великого труда о климате мезозоя... Но тут ему представилось вдруг – а что же будет, если вся его нация от моря до моря превратится в этакую мертвую грудку окаменившихся сердец, и кому тогда к черту понадобится его ученая ахинея!» [4; 226].

«Свое каменное научное сердце» показал и старый профессор, герой одноименного рассказа М. Горьцкого. Когда, по приезду в деревню на дачу, занемог-

ла его молоденькая жена, «ходили к нему... бабы-шептухи, ходили-рядили, а он и слушать их не хотел» [9; 46]. Когда же старый пастух Яким посоветовал «обвязать больную суровой ниткою и бросить ту нитку на перепутье, чтобы сняла хворь, профессор чрезвычайно разгневался: «Я человек научный, а вы мне такие глупости говорите... <...> Наука сказала свое слово, и я верю ей, а не вашим предрассудкам»» [9; 47]. Правда, бывало сам себе шептал: «Оленька... ты и наука – вся жизнь моя. Ты... украсила для меня науку, а без тебя и наука ничто». А то высказывал совсем иное: «Нет... наука выше тебя, наука выше всего, и без науки мне было бы скучно даже с тобою, хоть одна ты наилучшая для меня в целом мире. И ты умрешь, и я умру, а наука не должна умереть и измены претерпеть не должна. <...> Умрешь ты, Оленька... и останется мне одна утеха – наука моя. Так могли бы я оскорбить ее предрассудками?..» [9; 48] – ее, которую любил задолго до того, как полюбил жену. И дело тут не в нитке и не в предрассудках – разве легко «...наплевать на свою веру?» [9; 48]. Согласно А. Маслоу, самоактуализирующиеся люди живут и работают в сфере широчайшей компетенции, стремясь посвятить себя надличностным задачам. Художественную проекцию подобной жизненной стратегии мы видим и в образе старого профессора. Но в итоге напряженной внутренней борьбы он пришел к неожиданному выводу: профессор «жутко, аж мороз по коже, захохотал: Плевать мне на тебя, наука, ежели ты бессильна!» Неуклюже схитрив, он под благовидным предлогом

попросил нитку и сделал так, как учил Яким. М. Горецкий не приукрашивает финальных событий: «...не могла помочь наука – не помогли и предрассудки» [9; 49]. Для писателя главное в том, что победило человеческое сердце, а не холодный ум, а значит представление о гармоничном бытии может быть осуществлено.

Образ ученого в прозе первой трети XX в. проливает свет на проблему диалектики злободневного и действительного. Г. Белль писал: «Чтобы в злободневном увидеть действительное, нужно привести в движение нашу фантазию, силу воображения, которая дает нам способность создать образ. Злободневное – путь к действительному. Тот, кто принимает злободневное за действительное, на самом деле весьма далек от познания действительности. А какой-нибудь очень далекий от «злости дня», близорукий, рассеянный человек, которого можно считать карикатурой на профессора, иной раз окажется ближе к действительному, чем тот, кто, высунув язык, гоняется за злободневным, путая его с действительным. Кто хочет добыть птицу в полете, должен целиться выдержанно, спокойно сидеть на секундной стрелке, которая отделяет прошлое от будущего, и уверенно стрелять ввысь, чтобы птица столкнулась с зарядом и чтобы действительное упало стрелку в руки» [1; 680–681]. Ту же по сути мысль озвучивает инженер Протасов, герой романа М. Осоргина «Сивцев Вражек»: «Наука – великая вещь; в ней ничто не пустяк. Вот политика – дело наносное, случайное; сегодня так, завтра инак, важности в этом нет» [5;

551]. В «эпоху рубежа», однако, было более востребованным иное знание: как варить мерзлую картошку, как коптить в самоварной трубе селедку, как сделать из бутылки чадящую лампадку или выпарить сахар, на который солдаты играли в карты. «Все надо знать», «ко всему надо привыкнуть»... Но «упрямые люди хотят жить», потому и стали мудры... [5; 555].

А. Маслоу отмечал среди характеристик самоактуализирующей личности более эффективное восприятие реальности и установил, что эта способность распространяется на многие сферы жизни, включая искусство, музыку, науку, политику и философию [8; 515]. Из этого вытекает, что в прозе «эпохи рубежа» образы художника слова, ученого, музыканта и композитора неслучайны. Как отмечал белорусский исследователь В. Коваленко, «в 20-е годы конкретные, осязаемые ориентиры практической деятельности в пользу будущего еще не вполне определились, но сохранялся соответствующий гуманистически-революционный настрой. Эмоционально этот настрой мог передать только один вид искусства – музыка. Она в литературе того времени становится знаком революционного мироощущения» [10; 377]. И хоть музыка «не очерчивала конкретных идеалов, но вдохновляла чувственную готовность сражаться за новое в жизни, что точно соответствовало духовным возможностям общества 20-х годов. В произведениях белорусских прозаиков: рассказах М. Лынькова, раннем творчестве К. Чорного, М. Зарецкого и др. – музыка имеет какое-то сакральное

значение во внутреннем мире их персонажей» [10; 377]. Она увлекает героев М. Лынькова («Маньчжур», «Кларнет» – 1928) как надежда на избавление от убийственной прозы жизни и как ожидание радостных перемен. В более позднем рассказе, «Баян» (1933), также есть персонаж, который работает на строительстве канала и «гармонью... болеет». Но написанное по соображениям конъюнктуры произведение не могло быть правдивым ни по фактическому материалу, ни по психологической характеристике персонажей. Особое внимание обращает на себя мысль о том, что «подконтрольная музыка» потребует от героя отказа от себя, от собственной творческой самостоятельности. Подобные подозрения героя рассказа, Андрея Андреевича, оказались небезосновательными, и он игнорирует предложенный руководством лагеря баян, из-за которого нужно поступиться душой музыканта и сделать музыку прагматичной [10; 380].

Показателен как самоактуализирующаяся личность и музыкант Эдуард Львович из романа М. Осоргина «Сивцев Вражек» (1931). Он автор «больной и тревожащей пьесы» с красноречивым названием «Opus 37». М. Осоргин пишет: «Родилось – рядом с его жизнью – что-то новое, что он хочет понять, осилить и, кажется, оправдать, – но у него нет для этого слов и музыкальных сочетаний, а есть только крик боли, заглушенный чужими голосами, ему враждебными и незнакомыми» [5; 614]. Прозаик вместе со своим героем поэтапно прослеживает рождение музыкального произведения, которое Эдуард

Львович «раньше... с негодованием отверг бы», а «теперь... сам оказывался... автором. Вступление понятно и законно; так начинается многое. Во вступлении есть логика и внутреннее оправдание. Но вдруг тема... прорезывается... какой-то музыкальной царапиной, раскалывающей ее затем сверху донизу. Тема упрямо хочет нормально и последовательно развиваться, но царапина углубляется... треплет концы, путает все в клубок трагической неразберихи. Момент отчаянной борьбы, исход которой неведом. Теперь – самое основное и самое страшное по последствиям. Нити выправляются, концы вытягиваются из клубка, уже слышен авторитетный волевой приказ (басы!), и вдруг – полный паралич логики: именно в волевых базах рождается измена! Это был только ловкий обман, обход с тыла. <...> Страница преступная, непозволительная, – но это же сама правда, сама жизнь! Тут нельзя изменить ни одной шестнадцатой! Композитор – преступник, но композитор – творец. Слушатель и служитель истины. Пусть мир рушится, пусть гибнет все – уступить нельзя. Рвутся все нити сразу, скачком... и рождается то новое, что ужасает автора больше всего: рождается смысл хаоса. Смысл хаоса! Разве в хаосе есть смысл?! <...> Нет сомнения, что «Opus 37» – изумительное произведение. ...Но кем нашептано? Дьяволом? Смертью? Не пуля ли, однажды влетевшая... в комнату и... застрявшая в штукатурке под обоями, – не она ли просвистала ему, что в хаосе может быть, что в хаосе есть смысл! В смерти есть смысл! В безумии, в бессмыслице – смысл! <...> Разве это

возможно? <...> И вдруг... он понял: «Гениальное постижение!» <...> «Orpus 37» создан гением» [5; 602–603].

Наличие у человека творческих способностей, таланта, гениальность – это показатель его избранности, что далеко не всегда является залогом благоденствия.

Обратимся к образам, созданным белорусским прозаиком М. Зарецким в романе «Вязьмо» («Перевязло») и А. Платоновым в романе «Чевенгур». Это, соответственно, Ахрем Данилович Пунтик, по прозвищу Галилей, крестьянин из деревни Сиволапы, и Захар Павлович, человек с «ветхой опушки» старого провинциального города. Захар Павлович «все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно <...> Себе... никогда ничего не сделал – ни семьи, ни жилища» [6; 24], «к людям и полям относился с равнодушной нежностью, не посягая на их интересы» [6; 24]. Собственно, платоновская характеристика в равной мере характеризует каждого из героев: с одной стороны, как *Hominis faber* – человека-искусника, творца, а с другой – как воплощение «феномена способности к одиночеству и своеобразного способа познания» [2; 191]. М. Зарецкий отмечает, что на самой окраине местечка Сиволапы «бросается в глаза смешная хатенка Галилея. Она стоит одна на пустыре – ни двора возле нее, ни забора, ничего. Стоит тоскливая, нудная, засыпанная сугробами снега, и лишь, как головной убор сумасшедшего, поднимаются над крышей большущие, громоздкие крылья ветряка» [3; 45].

О своем герое М. Зарецкий пишет так: «Странный человек этот Галилей! Ему мало того, что слышит он ежедневно на разных собраниях и митингах, ему мало того, что видит он собственными глазами в Сивце, – он ищет во всем особый смысл, ищет первоначальных истоков» [3; 136]. Герой А. Платонова Захар Павлович «знал, что есть машины и сложные мощные изделия, и по ним ценил благородство человека, а не по случайному хамству» [6; 33]. Уже из приведенных цитат видно, что самоактуализирующиеся личности не обращают внимание на тривиальное, незначительное, и это позволяет им четко отделять важное от неважного в этом мире [8; 516].

Показательно, что многие качества героев, воплощающих черты самоактуализирующейся личности, с точки зрения обыденного сознания расцениваются как чудачество. Образы чудаков вообще довольно широко распространены в литературе, и каждый из них, обладая определенными архетипическими чертами, несет четкий отпечаток конкретной национальной культуры. В одном из писем М. Горького А. Платонову по поводу проблем с публикацией романа говорилось: «При всей нежности вашего отношения к людям, они у вас окрашены иронически, являются перед читателями не столько революционерами, как «чудаками» и «полоумными». Не утверждаю, что это сделано сознательно, однако это сделано, таково впечатление читателя, т. е. – мое. Возможно, что я ошибаюсь» [6; 411]. Захар Павлович, например, «приучился из дерева делать все то же, что рань-

ше делал из металла», а «иногда делал ненужные вещи... исключительно для собственного удовольствия» [6; 26], и по этой причине мог даже задержать чей-то срочный заказ. Его чудачества, однако, далеко не ограничивались вышеперечисленными.

Герои А. Платонова и М. Зарецкого самоутверждаются в тождественном социальном контексте. Одна из характеристик самоактуализирующихся людей – общественный интерес. Он свойствен как Галилею, так и Захару Павловичу. «...Какая идет революция? Та самая она, что против панов, или какаянибудь иная, новая? Куда она пойдет? У Галилея столько хлопот!» Его голова «просто трещит от беспокойных мыслей» [3; 29]. Обращаясь к кулаку Гвардиану, он рассуждает: «Надо подумать... да... Революция идет... Революция всегда ищет чьей-нибудь гибели. От этой гибели – другим счастье... Так и от вашей гибели будет кому-то счастье...» [3; 46]. Свое понимание революции и у Захара Павловича: «Революция легче, чем война», – объяснял он Саше Дванову. – «На трудное дело люди не пойдут: тут что-нибудь не так...» [6; 72].

Самоактуализирующиеся личности находятся в гармонии со своей культурой, сохраняя при этом определенную внутреннюю независимость от нее. Благодаря автономности и уверенности в себе они ограждают свое мышление и поведение от социального и культурного влияния. Это, однако, не означает, что они нетрадиционны или антисоциальны во всех сферах человеческого поведения. «Галилеева «циркулярная» бездымная печь давно уже стоит за-

брошенная, забытая хозяином в самый решительный момент, когда вот-вот должен был окончательно решиться вопрос о ее жизни или смерти. Галилею не до нее. У Галилея неотложные и важные заботы: он до сих пор никак не может постичь глубокого, коренного смысла событий, развивающихся вокруг него бурно и неуклонно» [3; 136]. А когда герой сталкивается в своей жизни с большой и интересной проблемой, то «все равно, касается она его непосредственно или нет, он будет с горячим упорством, как мятежный юнец, ломать над ней голову, пока не добьется какого-нибудь результата. Таков уж характер у Галилея!» [3; 20]. В авторской характеристике персонажа видим и такую черту самоактуализирующейся личности, как центрированность на проблеме [8; 515]. По-своему выражено у героев представление о гармонической жизни. Галилей «твердо верит, что техника победит все: и природу, и волков, и волчьи законы» [3; 177]. Захар Павлович уверен в следующем: «Дать бы нам муравьиный или комариный разум – враз бы можно жизнь безбедно наладить: эта мелочь – великие мастера дружной жизни; далеко человеку до умельца-муравья» [9; 33].

Таким образом, художественная проза в своих лучших образцах успешно реализует задачу эстетического постижения человеческих характеров в их глубине и неоднозначности. Ряд элементов образной системы может свидетельствовать о «теневом» присутствии в ней той или иной научной идеи либо концепции. Анализ прозаических произведений русских и белорусских

писателей «эпохи рубежа» позволил установить в авторских характеристиках многих персонажей черты (по А. Маслоу) самоактуализирующихся людей, что показательно для переходного периода и процесса художественного поиска в нем «нового человека», с одной стороны, толерантного к естественной для таких периодов неопределенности, а с другой – свидетельствующего о высоком личностном потенциале человечества.

Литература

1. Белль Г. Собрание сочинений. В 5 т. // Г. Белль. Т. 1. Романы; Повесть; Рассказы; Эссе. 1947–1954. М.: Художественная литература, 1989.
2. Валери П. Юная Парка. Стихи, поэма, проза. М.: Текст, 1994.
3. Зарецкий М. Вязьмо. Минск: Беларусь, 1965.
4. Леонов Л. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1986.

5. Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М.: Современник, 1989.

6. Платонов А.Чевенгур. М.: Высшая школа, 1991.

7. Слемнева И.М. Роль филологии в оформлении и развитии философского знания // Философия как самопонимание культуры и посредник в диалоге культур: Материалы междунар. науч. конф., 9–10 ноября 2006 г. / Минск, НАН Беларуси; науч. ред.: В.Н. Новиков [и др.]. Минск, 2006.

8. Хьелл Л. Теории личности. СПб.: Питер, 2005.

9. Гарэцкі М. Прысады жыцця: Апа-вяданні, аповесці. Мінск: Маст. літ., 2003.

10. Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя: У 4 т. Т 2. 1921 – 1941 / Нац акад. навук Беларусі, Аддз-не гуманіт. навук і мастацтваў, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. Мн.: Бел. навука, 1999.

Поступила в редакцию 13.XI.2009 г.

Belaya E.I., PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Philology of Baranovichi State University, Belarus

Self-actualizing person as a character in prose

One of characteristics of a transition in Post Soviet countries is the state of being relevant person having free creative thinking and free from patterns and stereotypes. It explains an interest to an issue of self-actualizing person. The author shows specifics of creation of such an image in prose of the first third of 20th century, paying attention to similar tendencies of the transition.

Key words: *self-actualizing person, prose, psychological characteristics of characters, image of a 'new man', 'phenomenon of able to be alone', human position, creativity.*